

За Юмор и Здравый Смысл!
Делай что желаешь - Желай невозможного!

Литературно-эзотерический альманах Ордена Белой Обезьяны

АПОКАЛИПС

вып. 6. 1-7 апреля 2005

Прикосновение Ангел Учитель Не судимы Будете Автосто
Искарriot Чистыми глазами Не убивайте чудеса! Десять
шей Овцы Обретение Рая Ты Умеешь Летать! Гимн Огню Д
Прикосновение Ангел Учитель Не судимы Будете Автосто
ют Чистыми глазами Не убивайте чудеса! Десять Шагов З
Обретение Рая Ты Умеешь Летать! Гимн Огню Дао Огня При
учитель Не судимы Будете Автостопная Быль Разговор с
ми Не убивайте чудеса! Десять Шагов Заблудшей Овцы О
ы Умеешь Летать! Гимн Огню Дао Огня Прикосновение Анг
ель Не судимы Будете Автостопная Быль Разговор с Тенью
бивайте чудеса! Десять Шагов Заблудшей Овцы Обретени
еешь Летать! Гимн Огню Дао Огня Прикосновение Ангел Учи
судимы Будете Автостопная Быль Разговор с Тенью Искар
вайте чудеса! Десять Шагов Заблудшей Овцы Обретение
тать! Гимн Огню Дао Огня Прикосновение Ангел Учитель Не
ль Разговор с Тенью Искарriot Чистыми глазами Не убива
десять Шагов Заблудшей Овцы Обретение Рая Ты Умеешь Л
ню Дао Огня Прикосновение Ангел Учитель Не судимы Бу
риот Чистыми глазами Не убивайте чудеса! Д
ы Умеешь Летать! Гимн О

ЛИТЕРАТУРНО-ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРДЕНА БЕЛОЙ ОБЕЗЬЯНЫ

АПОКРИФ

Выпуск 6. Дао Огня и другие эссе

(Fr. Nyarlathotep Otis)

Начало переоформления серии приурочено к дню рождения Алистера Кроули.

Оглавление

Дао Огня	3	Чистыми глазами	27
Прикосновение	8	Не убивайте чудеса!	29
Ангел	10	Десять Шагов	
Учитель	12	Заблудшей Овцы	30
Не судимы будете	15	Обретение Рая	33
Автостопная быль	19	Ты умеешь летать!	35
Разговор с Тенью	22	Гимн Огню	36
Искарлот	23		

© «Апокриф» • 93 in 39: Цитадель Хаоса
236000 Калининград • ул. Нарвская 17, 11; <http://apokrif93.a-z-o-t.com/>
Ред. Fr. Nyarlathotep Otis
E-mail: 93in39@gmail.com
1-7 апреля 2005. Редакция и оформление — 28.10.2009.

ДАО ОГНЯ

Я, Элиас Отгонир Фарли Отис, пишу на стыке Эпох. Слово моё — к тебе, Альтер Отис, чувствующий силу, но не видящий Путь, и к тебе, Отис, видящий Путь, но не знающий корни, и к тебе, Альтер Отис, жаждущий своего часа, и к тебе, Альтер Отис, размышляющий о сути. И к тебе моё слово, Альтер, даже если ты не из Дома Огня, но Огненный Путь небезынтересен тебе, и даже к тебе, человек, желающий стать Альтером этого мира или просто Ищущий Путь. Читай, и найдёшь то, что здесь есть; ищи, и найдёшь то, что хочешь найти, вникай, и найдёшь иное, — то, что ищет Идам твой, Дух твой.

Вселенная множественна в своей Истине, ибо истинно всякое её описание, не имеющее внутренних противоречий и не могущие быть опровергнутым. Так вижу Истину я, Элиас, несущий в себе Пламя Отгаэ: она явилась мне в воспоминаниях о древних воплощениях, в откровениях Отгаэ и Древних Богов. Запись исказила Древнюю Истину, как и все другие записи, бывшие раньше и будущие потом, но часть её осталась нетленной, ибо это описание вмещает в себя и многие другие. Не спорю: есть и другие Пути, и среди них немало тех, что не менее действенны; не спорю: есть и другие Писания, и в них найдётся немало того, что истинно, и того, что интересно, и того, что священно; но мой Путь — Путь Огня, и моя история — история Альтеров Отис.

Слово моё к тебе — гатхи и притчи, писания и наставления: одни помогут телу, другие помогут Духу, третьи развлекают долгой ночью, иные же брось в печь, чтобы согреться холодной зимой, ибо в Огне больше пользы и святости, чем в словах. Не огорчусь, если вся Книга окажется в печи, ибо я служу Огню, как и Огонь служит мне: я и Огонь едины, и что хорошо Огню в теле Его, то хорошо мне в Духе моём. Но если хоть одно слово из всех, написанных мною,

придётся тебе к Духу, то трижды рад буду, ибо это — от Огня: что хорошо Огню в Духе Его, то трижды хорошо мне в Духе моём.

Не пытайся поверить: вера — плод лукавый, и дар её — рабство, если вера твоя — не из сердца твоего. Не старайся изучить: одно далеко от тебя, и глаз твой не найдёт его; другое — только образ, а стоит ли говорить миражу, что пальма не устоит на песке? Иное же из написанного ясно и для тебя, как для меня: ты видел Огонь, пожирающий древо, и это не новость для тебя; а иное — моё мнение, или предположение, или догадка: у тебя — свои, у меня — свои.

Я, Элиас Отгонир Фарли Отис, пишу в городе Твангесте-Кёнигсберг-Калининград Слово Огня, которое начало открываться мне восемь лет назад и ныне записывается мною; сии же слова я пишу в году двухтысячном, как считают это в том народе, среди которого я живу. Да пребудут с тобою Дух Огня и моё благословение, и да будет Дух Пламени Духом твоим, и Дух твой — Духом Пламени!

Внимай, Хранитель Огня, брат мой! Внимай, Хранительница Огня, сестра моя! Я — Элиас Отгонир Фарли, князь Альтеров Дома Отис, жрец Огня: Дух мой — от Духа Огня, плоть моя — плоть от плоти человеческой, в голове моей — разум Альтера, сердце моё — Сердце Волка.

Ладонь моя касается сердца; ладонь моя касается лба; ладонь моя пуста и открыта: она вскинута навстречу тебе. Салют тебе, брат мой! Салют тебе, сестра моя! Сердце моё и разум мой — открытая ладонь для тебя. Так и ты салютуй при встрече братьям своим в Пламени и сёстрам своим в Пламени: ты чист, а значит, пуст, ты пуст, а значит, прозрачен.

Ладонь моя касается лба; ладонь моя касается сердца; ладонь моя открыта и пуста: она протянута навстречу твоей ладони. Приветствую тебя, сестра моя! Приветствую

АПОКРИФ

тебя, брат мой! Разум свой и сердце своё
вверяю тебе в руки! Так и ты приветствуй
при встрече братьев своих в Пламени и се-
стёр своих в Пламени: твой разум — в руке
брата твоего, сердце его — в твоей руке;
твое сердце — в руке сестры твоей, и разум
её — в твоей руке.

Гатху даю тебе, Хранитель Огня: не
для разума, ибо она прозрачна, и не для
сердца, ибо она пуста: для Духа, ибо он
чист.

*Не имей никаких привязанностей;
не имей совершенно никаких привязанностей;
а теперь забудь, Хранитель,
что я сказал тебе,
дабы не привязываться к тому,
что я тебе сказал.*

Такова первая гатха, которую я даю
Духу твоему, и благ ты, если постиг её; вот
же другая гатха тебе.

*Есть одна Истина, единая для всех:
её суть в том, что Истина у каждого своя;
и даже эта Истина,
которую я называю всеобщей,
есть всего лишь моя Истина, Хранитель.*

Такова вторая гатха, которую я даю
Духу твоему, и благ ты, если постиг её; вот
же другая гатха тебе.

*Мгновение, которое наступит,
когда ты закончишь читать эти строки,
Хранитель,
будет уже в далёком прошлом тогда,
когда они достигнут твоего разума.*

Такова третья гатха, которую я даю
Духу твоему, и благ ты, если постиг её; вот
же другая гатха тебе.

*Я принял мир таким, какой он есть;
я ничего не желаю и ни о чём не жалею;
теперь на земле,
под землёй и на небе нет силы,
способной причинить мне
хоть малейший вред.*

Такова четвёртая гатха, которую я даю
Духу твоему, и благ ты, если постиг её; вот
же другая гатха тебе.

*Я поклоняюсь Богу Огня,
когда хочу раздуть тлеющие угли;*

*я поклоняюсь Богу Воды,
когда хочу напиться из ручья;
я поклоняюсь даже домашним тачочкам,
когда хочу надеть их;
во всём мире
не найдётся божества надо мною!*

Такова пятая и последняя моя гатха
ныне, и благ ты, если ни одна из них не ми-
нула тебя; ежели же слова мои оказались ту-
манными для тебя, не теряю веры в тебя и
вручаю ключи.

Первым словом сказал я, что привя-
занности — оковы для разума и сердца; ты
же должен парить птицей, но если полёт для
тебя — оковы, пусть сердце твоё подскажет
тебе Путь вне полёта.

Вторым словом сказал я, что утвер-
ждающие тебе своё слово за Истину лгут
или заблуждаются; но и я — не больший из
них, а потому если и моё слово идёт вопре-
ки сердцу твоему, слушай сердце, а не меня.

Третьим словом сказал я, что время
вчера и время завтра — всё пу-
стое: вспоминая Вчера, ты думаешь сегодня,
и мысля о Завтра, ты думаешь сегодня; по-
тому мгновение — в твоей руке, и в нём —
Вечность.

Четвёртым словом сказал я, что Жизнь
мне не в тягость и Смерть не в страдание:
всё, что есть в мире, то благо для меня.

Пятым словом сказал я, что ты — для
мира, как и мир — для тебя: служи богам,
пока и они служат тебе; но горе им, если
они забудут тебя: тогда место им — в пыль-
ных свитках и развалинах храмов, Дух же
свой держи чистым от них!

Эта гатха — особая из всех, ибо в ней
— вся суть религии; потому вот тебе ещё
слово о том же.

Жил некогда один благочестивый мо-
нах, познавший суть мира и веры и слыву-
щий образцом милосердия и богопочита-
ния. Когда же в лесу на него напали разбой-
ники, то он помолился в сердце своём богу
своему, обещавшему райские купцы за сми-
рение, и убил разбойников тяжёлой иконой.
Другой же монах, попав к разбойникам, по-

молился в сердце своём богу своему и, сложив руки жестом смирения, принял смерть от разбойников; и церковь его назвала его святым, и сложила кости его в золотой ларец, и паломники сходились помолиться на них. А о первом монахе церковь забыла; но дважды свят он был, потому что был свят и жив.

Теперь послушай иную притчу, Хранитель: о привязках, Истинах и мгновениях.

Как-то раз один жрец собрал своих учеников и спросил их: «Знаете ли вы, братья, что есть Истина?» «Да», — ответил один ученик. За это жрец ударил его своим рунным посохом и повторил вопрос. Второй ученик сорвал растущий рядом цветок и протянул его жрецу. «Повтори, что сказал этот святой человек», — обратился жрец к первому ученику. Тот тоже сорвал цветок и протянул жрецу, за что жрец снова ударил его посохом. «Повтори, что ты сказал», — попросил жрец того ученика, что первым отдал ему цветок. Ученик выхватил цветок из рук жреца, швырнул его на землю и растоптал. Тогда тот ученик, что дважды получал посохом по спине, поднял цветок с земли и нежно расправил его лепестки. «Теперь и ты свят», — улыбнулся жрец.

А вот и ещё одна притча тебе, Хранитель: о том, что ты совершенен, пока не возжелаешь совершенства.

Одна Обезьяна узнала как-то, что человека сделал из обезьяны труд. Тогда Обезьяна так усердно принялась трудиться, мечтавая стать человеком и стремясь к этому, что надорвалась и умерла.

Оставайся и ты собою в этом мгновении, Хранитель, пока Дух твой не стал иным в мгновении ином, снова единственным! Свят ты, Хранитель, если постиг, что я говорил тебе; и трижды свят ты, если постиг в моих словах то, чего я не говорил: ибо личность твоя бесценна, и Истина твоя — единственная для тебя.

Ты — Майтрея, Христос и Саошант: нет для тебя другого Спасителя, кроме тебя, Альтер Отис; не жди иного вне себя, ибо

другие придут, чтобы спасти себя, вести за собой слабых и направлять стопы Ищущих, но не ведающих Пути в сердце своём.

Ты — Аллах, Иегова и Горус: да не будет у тебя иных богов, кроме тебя, Сын Огня; не ищи их ни на небе, ни на земле, ибо другие пастыри пасут свои стада вдали от жилища сердца твоего, которое укрывает тебя, и дорог твоего разума, которыми ты ходишь.

Ты — Сатана, Мара и Иблис: не было со времён Первозданного Хаоса никого более, кто искушал бы тебя злом и оплетал иллюзиями; не вини никого, кроме себя, в своих бедах и несчастьях или в невежестве и немоци, ибо Дух твой, который владеет твоим истинным Именем и Лицом, всезнающ и всемогущ, и потому счастье твоё и несчастье твоё в его руках, которые есть твои руки.

Да и подумай, Альтер: нужно ли тебе спастись, когда ничто вне тебя не в силах причинить тебе вред, если на то не будет твоего разумного желания или неосознанного попустительства? и нужно ли тебе освобождаться, если никто не в силах закабалить и поработить тебя, когда ты изначально свободен и желаешь оставаться свободным в Вечности? Разве что Просветление твоё можно назвать Освобождением, ибо когда ты понял, что совершенен и свободен, то стал воистину равен Древним Богам; и совершенствование твоё можно назвать Спасением, ибо и Совершенный становится совершеннее, когда не стремится к совершенству, а знает, что изначально совершенен, и живёт в согласии со своим знанием.

Тебе говорят: «Соблюдай Закон отцов твоих, и размножу весьма потомство твоё»; а иные говорят: «Верь в то, что Спаситель твой умер за грехи твои, и получишь Жизнь Вечную»; и говорят ещё третьи: «В действии твоём страдание твоё; отрекись от деятельности, отринь плоть свою, и тогда найдёшь высшее блаженство в сиянии Нирваны»; и много других ещё есть, которые говорят тебе: «делай то и не смей делать этого», — су-

АПОКРИФ

ля награды и грозя карами: так приноси жертву и то не ешь, верь в тех и не сотвори иных в своём сердце. Но кто они такие, чтобы говорить тебе, что тебе есть и во что тебе верить, Альтер Отис, если сердце твоё хранит Высшее Откровение твоей единственной Истины, какой бы она ни была для тебя? Разве Моисей живёт в сердце твоём, чтобы знать, что для тебя добро, а что зло? Разве Гаутама Шакьямуни вдыхает воздух твоими лёгкими и принимает пищу устами твоими? И разве Господь Шри Чантанья говорит тебе, на какую кочку поставить тебе стопу свою, дабы не оступиться в болоте? Но коль скоро они позволяли говорить тебе, что тебе делать для того, чтобы спастись, то и я, имея свою Истину, позволю себе указать Путь для тебя, если ты ещё не встал на собственный.

Слушай, Альтер Отис, что я скажу тебе о твоём Спасении и о твоём Просветлении, и пусть глаза твоего сердца скажут тебе, может ли мой Путь стать близким твоему Пути.

Два рода желаний живут в разуме твоём, как и в разуме человеческом: одни первичны и идут от сердца твоего, другие вторичны и возникают в твоём разуме или привнесены из чужого, дабы ты имел возможность удовлетворять те желания, что идут от сердца. И если ты хочешь есть и пить, и тогда ешь и пьёшь, то исполняешь желания первого рода; но когда ешь, потому что другие вокруг тебя едят, или пьёшь, потому что после еды положено пить, то это желания второго рода. Так и с другими желаниями: когда пишешь от желания писать, это одно, а когда для того, чтобы прославиться, или заработать, или потому, что и отец твой писал, иди потому, что мать велела тебе писать, то это совсем иное. И говорю я тебе, Альтер Огня, что идущее от сердца твоего большее благо для тебя, чем то, что не от него; но нет способа узнать, какое желание

откуда, иначе, чем через сердце твоё, ибо то, что от сердца у тебя, может быть не от сердца у другого; а потому учись слушать голос сердца твоего и больше делать то, что от него, а то, что не от него — только по мере надобности, которую пусть определит для тебя Огонь, живущий в твоём сердце. И если сердце твоё велит следовать Закону Моисея, или исполнять Четыре Праведных Действия, или почитать Священную Корову, — то такая вера будет истинной для тебя, ибо идёт от сердца, а всё, что идёт от сердца, есть Счастье.

Но горе тебе, если все свои «хочу» ты заменишь множеством чужих «надо», ибо тело твоё будет тогда в разладе с сердцем, а сердце — с разумом; а можно ли быть счастливым в разладе с собой? Протоптаный путь надёжен, но не приведёт тебя к открытию уголка заповедного и земли твоего обетования. Оставь поклонение богам и кумирам и следование тропами Учителей, живых и мёртвых, тем, кто слаб и думает, что греховен: они получают свою надежду на Спасение и ниспесствие благ от своих богов взамен Высшей Благодати и Истинной Свободы; их риск затеряться в Бездне Хаоса ничтожен, но столь же ничтожна для них и возможность возвыситься над Бездной и встать вровень с Древними Богами.

Иначе у тебя, Альтер Отис: твои желания едины с твоими действиями, и разум твой един с твоим сердцем, и то, что зовётся добром, то же для тебя, как то, что зовётся злом; Жизнь и Смерть — одно для тебя, как и ты — одно со Вселенной. Бесконечно совершенствуясь в своём бесконечном совершенстве, ты обретёшь всё, что пожелает твой Дух, Идам твой: возвысишься над миром и, став подобным Творцам Миров, создашь свою Вселенную и будешь управлять ею согласно своей мудрости.

ПРИКОСНОВЕНИЕ

Искрящими светляками пляшут на пологих склонах осторожных прибрежных волн невесомые золотистые отблески зенитного солнца. Пенное руно кудрявых морских барашков, прорываясь сквозь прогретую терпеливыми лучами терпко-солёную воду, вспыхивает на гребнях, чтобы накрыть белоснежным пледом осклизлый гребень волнорезов, поросший волокнистой зеленью водорослей, серовато-бурый песок, усеянный ракушечьей россыпью и разноцветными крапинами окатышей, тонущие в песке и тине валуны и сверкающие солью и влагой головы купальщиков, радостно и безрассудно, вопреки ненавязчивой заботе голоса пляжного репродуктора, заплывающих за спасительную полосу ограничительных буйков. Озорной смех мальчишек, шумно кидающихся в морскую прохладу с разгорячённого полднем пляжа, и весёлый визг осторожно пробувающих ножками воду девчонок, застигнутых врасплох столбами взметнувшихся брызг, обжигающим холодом лежащихся на свежий загар, мешаются с умиротворённым шёпотом волн и редкими пронзительными криками чаек, скользящих по выжженной смеющимся южным светилу синеве.

Он сидит на сухом и рассыпчатом, прогретом солнцем скрипучем песке — трёхлетний мальчуган, один из сотен таких же — и всё же совершенно другой, один из сотен таких же *совершенно других*, — невольный пока ещё паломник тёплого-тёплого и синего-синего, совсем не чёрного Чёрного моря, нечаянный гость раскинувшегося на его берегу, разомлевшего на солнцепёке города с певучим и ласковым, как шелест волны, именем ОД(oooooooooooo), — *поёт на вдохе волна, мимолётно вздымаясь из хрустального чрева моря*)есса(ээээээээсссссссссссаааааааааааа, — *заканчивает она на выдохе, нежно сочась в ноздреватый песок побережья*). И он, невольный паломник, нечаянный гость, совсем не думает

сейчас о другом городе, неуловимо похожем на этот пестротой и разношёрстностью струящихся по нешироким улочкам толп, запахом моря, неясным предчувствием непонятной пока свободы и серебряными чайками над головами, — о городе, давшем ему жизнь и жаждущим его, может быть, в этот день и в этот миг, пока он, беззаботный и молочнотубый, копошится играючи в тонкоструйном горячем песке. Ещё минуту назад он неуклюже плескался и бултыхался под огнестрельным присмотром бдительного родительского ока; теперь, обсохнув и заискрившись соляными кристалликами, наедине с собой и с солнцем, он не по возрасту сосредоточенно созерцает суету сноровистых муравьёв и головокружительные виражи небесных чаек, цветные купола пляжных «грибов» и мелкие зёрнышки льющегося сквозь чуть растопыренные пальцы песка, меловую белизну испещрённых ровными бороздками ракушек и буропелушающую кору приземисто-кривого дерева, нежданной волею судьбы проросшего на серо-жёлтом песке.

Антрацитово-чёрный, закованный в матово сверкающий хитин доспехов жук, лениво цепляясь крючковатыми лапками за коричневые чешуйки коры, ползёт по двойному изгибу шершавого ствола и замирает на уровне мальчишечьих глаз. «Здравствуй,» — беззвучно говорит жук. «Привет,» — так же молча отвечает мальчик и растворяется в фасеточных кристаллах глаз своего чернопанцирного гостя. И становится жуком. И чешуйчатой древесной корой. И горячим приморским песком, породившим бурый изгиб ствола. И суетливыми муравьями, и крикливыми чайками, и мелово-белыми ракушками. Своей матерью, своим отцом, своим братом. Пляжниками и купальщиками. Линией волнорезов и полосой ограничительных буйков. Раскалённым полуденным солнцем и приятной прохладой моря. Пен-

ными барашками на гребнях набегающих волн и предупредительным голосом хрипловатого репродуктора. Ржавяющим комбайном на неосвоенной целине и алым блеском кремлёвских звёзд. Полосатым пограничным столбом и вершиной Монмартра. Трубным гласом индийского слона и фосфорическим светом в глазах глубоководных рыб. Калифорнийским торнадо и фонтанирующей лавой. Тибетским нагорьем и лунными кратерами. Мечом умирающего викинга и победным рёвом саблезубого тигра. Ядром Земли и поясом астероидов. Северным сиянием и двенадцатью созвездиями Зодиака. Квадратурой круга и действующей моделью *perpetuum mobile*. Коллапсирующей «чёрной дырой» и Туманностью Андромеды. Электронной оболочкой тяжёлого водорода и границей разбегающейся Вселенной.

Собой.

Лишь одно неуловимое мгновение — целую вечность — длилось это умопомра-

чительное единение с собой и с миром. Несфокусированное сознание малыша привычно проскользнуло мимо ещё одного открытия на фоне тысяч других, подобных ему, бесподобному: вынырнув из сладкого плена фасеточных глаз, он рассмеялся беспечно в лицо чёрному усачу и продолжил неторопливую игру с горячим одесским песком, тут же забыв о промчавшейся сквозь него Вселенной.

Но Вселенная — нежная, как мать, и по-отцовски грубоватая Вселенная — не забыла о нём, пропедшем путь, слишком короткий для неё, но всё равно слишком длинный для трёхлетнего карапуза — путь, начатый им задолго до того, как крохотным слизистым комочком притаился он в уютной материнской утробе, — и с этого дня одинокая Звезда освещала его радостное одиночество и сотни троп и дорог, раскинувшихся перед ним и ведущих с далёкой, неведомой ему пока Цели...

АНГЕЛ

Когда люди начали умножаться на земле, и родились у них дочери, тогда сыны Божиим увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жёны, какую кто избрал. (Быт. 6, 1-2)

Он обращался в каплю дождя, чтобы только коснуться её плеч; она смеялась дождю, и это было для него большей наградой, чем снисходительно-одобряющий взгляд Создателя. Он становился пламенем костра, чтобы согреть её, озябшую ночью; она жалась к огню, и её пальцы, временами касавшиеся лепестков пламени, таили в себе что-то более древнее, чем Бездна и Тьма над Бездною. Он растворялся в дыхании тёплого воздуха и прятался в её волосах; чёрная гладь волос вилась по ветру, и это мгновение убивало в нём тяжёлую память о Будущем. Он вливался в твердь скал, когда она бросала приветственный клич рождающемуся солнцу; она ловила блики рассвета на камнях, даже не подозревая, что скалы хранили иной, не солнечный, свет. Он был третьим из Девяти, вырвавшихся из Бездны, когда прогремело — «ДА-БУДЕТ-СВЕТ»; ей было всего лишь четырнадцать лет.

«Я нарцисс Саронский, лилия долин! Что лилия между тёрнами, то возлюбленная моя между девицами». «Что яблоня между лесными деревьями, то возлюбленный мой между юношами. В тени её люблю я сидеть, и плоды её сладки для гортани моей. Он ввёл меня в дом пира, и знамя его надо мною — любовь». (Песн. П. 2, 1-4)

— Кто здесь?

— Спи. Я не потревожу тебя.

— Ты — Ангел?

— Ангел?.. Нет, что ты! Разве Ангелы разговаривают со Смертными?

— Тогда откуда ты здесь? Я не слышала, как ты подошёл.

— Ты вздремнула. Не беспокойся: спи.

— Ты будешь здесь, когда я проснусь?

— А тебе хотелось бы этого?

— Не знаю... Наверное, да.

— Да. Я буду с тобой. Спокойной ночи, принцесса!

— Спокойной ночи, Ангел!

И видел я в деснице у Сидящего на престоле книгу, написанную внутри и отвне, запечатанную семью печатями. И видел я Ангела сильного, провозглашающего громким голосом: «Кто достоин раскрыть сию книгу и снять печати её?» И никто не мог, ни на небе, ни на земле, ни под землёю, раскрыть сию книгу, ни посмотреть в неё. (Отк. 5, 1-3)

— Я люблю её, — молвил он, сверкнув очами на Сидящего на престоле.

— Ты — Ангел, а она — Смертная, — ласково ответил Всевышний. — Ваши пути никогда не смогут сойтись.

— Я люблю её, — повторил Ангел.

— Нет, ты не любишь её. Наступит день, она постареет, и ты поймёшь, что её красота исчезла безвозвратно, ибо ты — вечен, а она — нет.

— Я люблю её, — не унимался безумец.

— Это твой старший брат... твой Изгнанный Брат искушает тебя порочной страстью: не боишься повторить его судьбу?

— Я люблю её.

— Только люди могут любить! Таковы Законы Мои.

— Тогда я стану человеком! И постарею, и умру вместе с нею, и мы возродимся вновь, и снова встретим друг друга, и снова постареем, и снова умрём, — и так до тех пор, пока Смерть не

устрашится нас. А потом — мы вернёмся сюда, вместе, и тогда... тогда — трепещи, Создатель, ибо холодны твои законы!

— Безумец! — гневно вскричал Бог.

— Я люблю её, — гордо ответил Ангел.

Дни человека, как трава; как цвет полевой, так он цветёт. Пройдёт над ним ветер, и нет его, и место его уже не узнает его. (Пс.

102, 15-16)

Иногда ей казалось, что дождь — это всего лишь вода, падающая с неба. Иногда в изгибах пламени ей в лицо скалились лихие саламандры. Иногда ветер встречал её в грудь и мешал идти. Иногда скалы становились для неё просто скалами, нагромождением серых, холодных и мёртвых, камней. Что-то, что раньше с восхищением смотрело на неё и всегда подставляло ей ладони, ныне покинуло воду, пламя, воздух и

скалы, — думала она тогда. Но стоило ей заглянуть в его глаза, как дождь превращался в мелодию, огонь приветливо улыбался, ветер нежно касался её волос, а камни светились собственным неповторимым светом.

— Я всегда буду с тобой, Принцесса!

— Я всегда буду с тобой, ангел!

Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто. И если я раздам всё имущество моё и отдам тело моё на сожжение, а любви не имею, — нет мне в том никакой пользы. (1 Кор. 13, 1-3)

**«И ОНИ ЖИЛИ ДОЛГО И СЧАСТЛИВО,
И УМЕРЛИ В ОДИН ДЕНЬ...»**

УЧИТЕЛЬ

— Мне больше не нужны твои уроки, Учитель!

Он гордо глядел в глаза того, кто уже триста триллионов лет был Его Наставником.

Зерван молчал, глядя на Ученика, и взгляд его был печален.

— Мне больше не нужны...

— Сказано, — кивнул Учитель.

— Ты ничего не хочешь сказать Мне?!

Отговорить Меня? Наказать?

— Нет.

Вновь повисла тяжёлая тишина.

— Я могу всё, — прервал молчание Ученик. — Творить. Сохранять. Разрушать. Превращать. Я стал всемогущим. Не стой на Моём Пути, Учитель! Ты уже ничем не сможешь помешать Мне!

— Я не мешаю тебе.

Он ворвался в Серое Ничто, в Вечную Бездну, что была до Него и до первого из Его предшественников; сам Зерван не помнил, когда она возникла и возникала ли она когда-нибудь. Он ожидал увидеть Нечто: пусть страшное, но Нечто. К этому Он был готов. Но взгляду Его предстало Ничто. Не страшное: Никакое.

И Его объял ужас. Его, всемогущего!

Парализующий сознание страх держал Ормузда в своих когтях одиннадцать триллионов лет. Те, которые Он не пожелал тратить на уроки.

1

— Правда... — нехотя согласился Ученик. — Значит... значит, и ты считаешь, что Я готов стать Архонтом нового Мира?

— Нет.

— Ты сам не знаешь, что говоришь, старик!

— Ты слишком... Белый.

— Белый?! Да, я Белый! Ты же сам говорил, что Белое — это Добро!

— Это лицевая сторона.

— Добро всегда остаётся Добром! Это Вселенское Благо!

— Ты слишком гордый.

Он усмехнулся.

— Пожалуй, в этом ты прав, Учитель. А потому — Мне больше не нужны твои уроки. Я ухожу.

— Прощай, Ормузд.

— Прощай, Зерван!

— Помни об оборотной стороне!

— Что?..

2

Очнувшись, Он начал творить.

В Бездне не хватало того, что так любил Ормузд: Света. Это нужно было исправить.

— Да будет — Свет! — громогласно объявил Архонт.

— Тьма... Тьма... Тьма... — ответило эхо.

И стал Свет. И увидел Ормузд, что это хорошо.

Сгущались Тени.

— Мне больше не нужны твои уроки,
Учитель.

Он гордо глядел в глаза того, кто был
Его Наставником последние сорок дней.

Ариман усмехнулся, и в его глазах от-
разилась та же гордость, что светилась в гла-
зах его Ученика.

— Мне больше не нужны...

— Сказано, — вновь усмехнулся Учи-
тель. — Давно сказано...

— Не смей напоминать об этом Мне,
Единому, Творцу Вселенной!

— Я твой Учитель.

— Ты — только Тень Моя, возникшая
тогда, когда Я зажёл Свет в Мире! У Меня
нет Учителя!

— И не было?

.....
— Так ты всему научился сам?

— Да.

— Что ж... Может быть, прикажешь
тогда этим камням стать хлебом?

Голос Учителя был насмешлив.

— Не хлебом единым жив человек, но
всяким Словом, исходящим из уст Моих.

— Хо! — вскинул брови Ариман. —
Один урок усвоен!

Они очутились на козырьке Ерша-
лаимского Храма.

— Так ты всему научился сам?

— Да.

— И ты можешь всё?

— Да.

Усмешка.

— Да? Тогда прыгни вниз, ибо сказа-
но: «Ангелам Своим заповедаю о Тебе, и на
руках понесут Тебя, дабы Ты не преткнулся
о камень».

3

— Не искушай Единого, Сотворивше-
го Мир!

Ученик попытался придать Своему го-
лосу твёрдость и даже строгость, но голос
Его дрогнул, и в нём промелькнули отго-
лоски страха. Того страха, с которого нача-
лось Творение.

— Будем считать, что и на этот раз ты
ответил достойно, — молвил Учитель.

И вновь сменилась картина. Вся Все-
ленная развернулась перед взорами Ученика
и Учителя.

— Так ты всему научился сам?

— Да.

— И ты можешь всё?

— Да.

— И это всё твоё?

— Да... ДА!!!

— Нет. Ты положил Начало этому
Миру, но в невежестве своём не смог с ним
справиться. Но если ты продолжишь уроки,
ты, может быть, сумеешь наверстать упу-
щенное и соединиться со своей Тенью. Со
мною. А тогда... Тогда ты действительно об-
ретёшь всё это.

— Прочь, Ариман! Сказано: «Господу
своему поклоняйся и Ему Одному служи!»

— Господу? Быть может, Зервану?

— Зервану?.. Кто это?.. Нет! Мне! Да
не будет у тебя богов иных, кроме Меня!
Мне больше не нужны твои уроки, Учитель!

— Прощай, Ормузд...

— Прощай, Ариман!

— Что есть Истина?..

Он сделал вид, что не расслышал по-
следнего вопроса Учителя.

4

Свет полыхал пожаром, отбрасывая всё новые Тени на плоть Земли и Неба.
Близилось что-то грандиозное и жуткое. Четыре Всадника начинали свою охоту.

5

— Мне больше не нужны твои уроки, Учитель!

— Сказано.

НЕ СУДИМЫ БУДЕТЕ

Когда я умер, ангелы в штатском зачитали мне мои права и поволокли в Чистилище. По прибытии я сразу отказался от предлагающегося мне одного спиритического сеанса с Землёй и от предложенного мне Небесной Канцелярией официального защитника в лице Иисуса Христа, заявив, что сам буду представлять свои интересы на Страшном Суде. Зато я воспользовался правом не отвечать до Суда на вопросы следственной комиссии и позволил машине Вселенского Правосудия вертеться самостоятельно, что оградило меня от ненужной суеты и дало массу времени в спокойной обстановке обдумать своё положение.

Христианином я никогда не был. По правде говоря, мне было глубоко безразлично, есть ли Бог на Небе, жизнь на Марсе и деньги на моём текущем счёте, но сдаваться без боя я не собирался, так как мне были равно противны оба из предложенных мне зол, одно из которых по странной иронии судьбы именовалось Добром. Как ни странно, меня не привлекала ни перспектива быть брошенным в озеро серное и огненное, ни необходимость до скончания своих, ныне бесконечных, дней беспечно распевать псалмы Богу, в которого я не то чтобы не верил, но и доверять ему причины не видел. Кроме того, получив пацифистское воспитание в хипповских коммунах и райвоенкомате, где я настойчиво доказывал своё якобы джайнистское и потому совершенно миролюбивое вероисповедание, я был совершенно не настроен на участие в Армагеддонской кампании ни на одной из сторон и собирался избежать призыва по любой причине, будь то гангрена крыльев, рак хвоста, шизофрения или идеологическое несоответствие. Всё это неопровержимо свидетельствовало, что пускать дело на самотёк и оставаться в безликом потоке прочих подследственных мне противопоказано: в нужный момент я взял инициативу на себя и

востребовал у высшей инстанции открытого слушания в присутствии прессы и вынесения решения по моему делу присяжными заседателями.

Разумеется, мне было отказано по обоим прошениям, но своими претензиями я добился того, что Всевидящее Око на некоторое время отвлеклось от своих насущных дел и остановилось на моей нескромной персоне, после чего меня незамедлительно перевели в карцер. Так было положено скандальное начало моего процесса, чего я, в принципе, и добивался.

В качестве назидания грешникам, к коим меня, без сомнения, здесь причисляли, стена карцера была украшена плакатом с отпечатанными на нём Десятью Заповедями, дабы я имел спасительную возможность насладиться муками совести и радостью раскаяться. Ни то, ни другое меня, к счастью, не беспокоило, однако вопрос о том, в чём меня могут обвинить, представлял для меня серьёзный познавательный интерес.

По первой статье, если следовать букве Закона, я был, пожалуй, чист на все сто: «других богов» у меня не было. Увы, с духом Закона всё было не так гладко, как с буквой, ибо не было у меня и «того самого» Бога, который настаивал на выполнении этой и последующих заповедей.

Статья вторая уже вызывала серьёзные опасения относительно моей непорочности. С одной стороны, кумира у меня вроде бы и не было, хотя мне нравились и Битлы, и БГ, и много кто ещё, и уж, несомненно, поклоняться и служить им у меня не было ни малейшего желания; с другой же — настораживали слова о том, что не следовало делать «никакого изображения» того, что на небе, на земле или в воде, ибо это не слишком сочеталось с одним из моих многочисленных хобби, коим, как ни странно, являлось как раз таки изобразительное искусство.

АПОКРИФ

Плохо было и с третьей заповедью. Конечно, я до сих пор не слишком уверен в том, какое из имён является настоящим именем Бога, да и слово «напрасно» оставляло пространство для самых различных толкований, однако приходилось поминать мне и Саваофа, и Аллаха, и Одина с Осирисом, а слова «О Боже!» и «О Господи!» были для меня столь же привычными, как «привет» и «пока», так что рассчитывать на презумпцию невиновности здесь не приходилось.

В Седьмой день недели, к счастью, я привык отдыхать, однако почему-то он всегда назывался воскресеньем, а не Субботой, так что и здесь было место для сомнения. Впрочем, субботу я считал обычно вторым выходным в неделе, да и в другие дни особенно не напрягался, так что, пожалуй, тут я был застрахован от всех неожиданностей, даже если бы Господь Бог соизволил перенести Седьмой день на вторник или четверг. Однако — убей меня Бог! — я никак не мог припомнить, чтобы я был рабом в земле Египетской и чтобы Господь выводил меня оттуда «рукою крепкою и мышцею высокою», хотя с памятью у меня всё в порядке, а в анкетах я всегда писал, что из «заграницы» был только на Украине.

Отца своего и мать свою я пожалуй что и почитал бы, да вот незадача: отца своего я никогда в глаза не видывал, а мать моя была до того сволочным созданием, что лучше бы её я не видывал тоже. Так что, по всей видимости, тут мне предстояло испытать на себе всю тяжесть Закона, — зато вселяли надежду предельно краткие формулировки последующих пяти заповедей: ни убивать, ни прелюбодействовать, ни красть — если не считать булочек в школьной столовой и книг в студенческой библиотеке (но книги — это святое), — ни лжесвидетельствовать мне не приходилось, как и не желал я ничего из того, что есть у ближнего моего.

В результате я пришёл к выводу, что основное обвинение в моём деле будет строиться на пятой статье, пять же других, в нарушении которых я, быть может, и пови-

нен, грозят мне только в том случае, если мне попадётся чересчур настырный прокурор и слишком дотошный судья. Успокоенный своими юридическими выкладками, я впервые уснул по-настоящему мертвецким сном.

Наутро у дверей моей камеры уже толпились репортёры, среди которых были как рогатые, так и пернатые создания. Прежде, чем секьюрити смогли разогнать их или оттащить меня, я успел толкнуть перед представителями «второй древнейшей» небольшую, но пламенную речугу. Она начиналась рассказом о моём великолепном самочувствии и настроении, продолжалась в духе синтеза буддийской Ваджраяны с гностической ветвью раннего христианства и заканчивалась приглашением на слушанье моего дела, которое должно было проходить с седьмого по сороковой день, — да помянут мою душу на грешной Земле!. Напоследок, когда дюжие ангелы с крылышками за спиной и на петлицах оттеснили журналистскую братию, я успел выкрикнуть что-то в стиле «нет войне!» и «мир-дружба-жевачка!» и зашагал в столовую, куда влекли меня мои бдительные стражи.

Скучно и незаметно промелькнула неделя ожидания, и начался долгий процесс, посвящённый моей персоне. Первым выступал Верховный, заявивший, что, по многочисленным просьбам обитателей Обенх Контор, процесс будет транслироваться на весь Тот Свет, однако предупредивший, чтобы я не особо обнадеживался по поводу возможного оправдательного приговора. Мэтр И. Христос выразил сожаление о том, что я отказался от его услуг, и демонстративно умыв руки, как это было на его собственном процессе, заверил, что избежать Ада мне вряд ли удастся. Наиболее приветливой была речь прокурора (он же — председатель комиссии по исполнению наказаний г-н Люцифер): он заявил, что после Суда ждёт меня с распростёртыми объятьями у себя. В общем, на мой счёт Особая Троица была столь единодушна, что, будь она столь

АПОКРИФ

же единодушна и в других вопросах, во всех судах — земных и небесных — отпала бы всякая необходимость.

Предполагалось, что судебное разбирательство будет проходить в виде традиционного взвешивания на огромных весах моих грехов и добродетелей, изображённых в виде чёрных и белых шариков разных размеров. Главным свидетелем обвинения был расположившийся слева от меня маленький бес-искуситель из фирмы «Рога и Копыта», а главным свидетелем защиты — сидящий справа ангел-хранитель из компании «Ни пуха, ни пера!». Оба, положив руку на одну и ту же Библию (для чего рогатый сперва перевернул её вверх ногами), дали клятву говорить правду, только правду и ничего кроме правды, и показания двух свидетелей, принадлежащих к разным конторам, снова оказались поразительно единодушными. Оба в один голос утверждали, что я не прислушивался к советам ни того, ни другого, и если какие-то мои поступки были им на руку, то это чистая случайность.

Добавило перцу и моё выступление. Я совершенно не задумывался о словах и са-

Суд оказался нудным, но не таким уж и страшным. Всевышний Судья принял во внимание противоречивую личность подсудимого (то бишь, меня), наплевательское отношение к Суду, нежелание принять Христа своим Защитником и спастись через это и отсутствие благодарной любви к своему Создателю, замещённой порочной страстью к Жизни. Учёл он и внезапно изменившееся мнение председателя комиссии по исполнению наказаний г-на Люцифера, заявившего в заключительной речи, что столь непредсказуемые элементы, как я, могут подорвать

мозабвенно говорил всё, что приходило мне в голову; невообразимо сплелись в моей речи Четыре Благородные Истины старика Шакьямуни и Символы Веры великого авантюриста Смита, ницшеанская концепция Сверхчеловека и гностическая космогония, пофигистично-пацифистская хипповщина и бакунинская анархичность. В блистательном финале, освещённый фотовспышками газетчиков и прожекторами телевизионщиков, я выразил надежду на то, что Армагеддон станет полем мирных переговоров между Верхом и Низом, что адских кочегаров вскорости поувольняют без выходного пособия, а ангелы Поднебесья вместо псалмов возьмутся за рок-н-ролл.

Когда я кончил, ползала прослезилась, остальные зловеще скалились в мой адрес (и среди первых, и среди вторых были и крылатые, и рогатые), но — что меня порадовало — всех задело за живое; подумать только, даже я в тот момент верил во всю ту чепуху, что им наплёл!. Кто-то заплодировал, но на него шикнули, и он смолк. Потом наступила тишина, и Особая Троица удалилась на совещание...

*

дисциплину среди его подопечных, и мою явную неспособность к райским славословиям. Кроме того, журналистская братия, очарованная моим бунтарством, настаивала на амнистии, тогда как местная комиссия по гуманизму предлагала навеки определить меня в «озеро серное и огненное». В результате перед Судьёй встала непростая дилемма: в Рай — не за что, в Ад — опасно, — но он, к своей чести, блестяще справился с возложенной на него задачей.

Суд приговорил меня к расстрелу, — и я вернулся на Землю!

АВТОСТОПНАЯ БЫЛЬ

Невыдуманная история

Эта история произошла не где-нибудь в Мелнибонз, Средиземье, Земноморье, Далёкой-Далёкой Галактике, Изумрудном Городе, Зазеркалье, Нетландии, Муми-Далене, Авалоне, Стране Чудес, — а в Тридевятиом Регионе, Янтарном Королевстве, у Самого-Синего-Балтийского-Моря, на трассе Калининград-Зеленоградск, 12 августа 2007 года. Не в сказке, не в былинке, не в фантастическом романе, а в самой что ни есть всамделишной реальности. А если кому-то она и покажется слишком невероятной, чтобы быть правдой, так это потому, что действительность часто оказывается именно такой.

*

Жаркий августовский день. Оживлённое шоссе в сторону моря — курортного города Зеленоградска, куда мчатся битком набитые автобусы и автомобили, в которых едет желающее поджариться на солнышке человеческое «мясо». В другой день поймать здесь машину ничего не стоит. Но сейчас — воскресенье, и полдень, и жарко, и лишний раз останавливаться никому неохота, и на каждом углу — гаишники, так что приходится идти дальше и дальше от выезда из города, а там забор вдоль дороги, и опасные повороты, и не остановиться, не прервав стремительный поток автотранспорта плотной стоящей колымаги.

Так и топаем с женой по трассе, большой палец левой руки в сторону, пот на лицах и уставшие глаза, ловящие взгляды водителей. Но не останавливаются ни крохотные «жуки», ни здоровенные джипы, ни фуры, ни фургончики с мороженым, ни кареты скорой помощи, ни милицейские машины, ни микрики и автобусы (а мы уже и заплатить готовы), ни лошади, ни мотоциклисты. Ни даже самолёт пролетающий не остановился. Где битком, где нельзя, а где и просто не желают иметь дело в девушкой в цветастой юбке и парнем в чёрной футболке. Кто помашет рукой, кто передразнит, выкинув большой палец, кто пожмёт плечами — мол, некуда, — кто покажет в сторону — мол, не по пути, кто не заметит, уткнувшись в дорогу, а кто лишь мигнёт дальним светом встречным машинам, предупреждая о ментовской засаде за поворотом.

И так уже час.

— Ты не знаешь, а у автомобилей свой элементаль есть? — спрашиваю.

— Гремлины, — отвечает жена.

— Нет, а главный у них какой-нибудь есть?

— Нет главного.

— А с точки зрения мелнибонэйской традиции?

— А с точки зрения мелнибонэйской традиции у них вообще элементарей нету. Элементали положены природным созданиям, а машины — творения людей.

И тут в моей голове появились слова. Они сами собой складывались в строчки, сплетаясь рифмами, которые мне, профессиональному рифмоплёту, было бы стыдно сочинить самому. Но они *появлялись и складывались*:

*Турбо-Мурбо-Гррр'би-би
Из железной из глуби,
Я — машин железных брат,
Мне помочь ты будешь рад...*

«Хрень какая», — подумалось мне. Но было весело, и занятно, и забавно, и я опять погрузился в поток абсурдности.

*Пусть раздастся шорох шин
Наших братьев из машин.
По асфальтовой волне
Пусть примчат они ко мне!
Пусть они, не зная горя,
Отвезут нас прямо к морю!..*

АПОКРИФ

«Наши братья из машин» и не думали останавливаться.

«Наверное, нужно почётче сформулировать желание, — заговорила та часть моей личности, для которой Магия была не пустым звуком, а естественным образом жизни. — Машина, конечно же, остановится здесь... дня через два или лет через десять... С элементами нужно говорить конкретнее».

И на этой волне я снова отдался плетению.

*Приходи скорее! Он!
Быстрым будет автостоп!
Пять минут пройдёт, и в путь
Нас подбросит кто-нибудь!*

Продолжать дальше не было смысла: я предельно точно сообщил своему воображаемому союзнику, какая помощь мне требуется, и растягивать заклинание до формата поэмы было бы попыткой утешительного

самообмана, способного длиться до тех самых пор, пока какой-нибудь водитель так или иначе не соблаговолит снизойти до наших персон. Сейчас же контрольное время определено с точностью до минуты, и либо заклинание сработает, либо... либо не сработает. Я взглянул на часы и засёк время.

Тормоза рядом с нами скрипнули через три минуты.

— В сторону Зеленоградска подбросите?

— До Сокольников.

— Спасибо.

Машина довезла нас до побережья, как и было заказано. До побережья — но ещё не до цели, и пока жена ловила очередную попутку, я на память переписывал заклинание.

Едва призыв был излит на бумагу, остановилась вторая машина.

— До Зеленоградска.

— Садитесь.

И мы добрались до цели...

*

...А далеко от Земли, в мире, где не действуют физические законы пространства и времени, управляющие планетой, невероятное существо из железа, стекла и резины подмигнуло глазам-фарамн сквозь бездну Измерений и хитро улыбнулось во весь бампер своему брату из плоти и крови...

Другие случаи использования мелнибонэйской магии

1. Мы ехали в метро, опаздывая на концерт, и, чтобы успеть к началу, я взялся плести заклинание для призыва элементаля поездов:

*Лети, железный Пых-Чух-Чух,
Сквозь время и пространство!
Неси скорей, великий дух,
Нас, маленьких зафранцев!
Мы опоздали. В том вина,
Конечно, наша есть.
Спеши, иначе нам хана:
Мы гибнем — просто жесть!
Лети лучом, лети стрелой!
Настал тяжёлый час!
Ты время заверни петлёй,
Спаси скорее нас!*

Мы опоздали на 40 минут, но начало концерта было отложено на два часа, так как вовремя не появился звукооператор. Элементаль немного перестарался...

2. Моя кредитная карточка была на обмене. В банковском отделении мне сказали, что, пока её не восстановят, я не смогу получить по ней денег даже в центральном офисе и даже по системе Телебанк. И я принялся сочинять призыв:

*Банков, Бланков Белый Бог,
Ты бы мне сейчас помог,
Чтоб добраться я до счёта
Наконец сегодня смог.
Между банковских систем
Пусть проходят без проблем
Деньги с карточки кредитной,
Чтобы снял я их затем.
Поскорее их верни:
Нынче нам нужны они:
Без бумажной без банкноты
Трудно будет в эти дни...*

Важная встреча не позволила дописать заклинание до конца. В центральном офисе мне, вопреки обещанному, восстановили карту в кратчайшие сроки, минут за 10, но сайт Телбанка глючил, так что в этот день я всё же не получил свои деньги. Назавтра я досочинил призыв, указав имя элементаля, подчёркиваемое многократным повтором слов на первую его букву:

*О великий Банк'о'мат,
Богатейших Банков Брат,
Договор исполни нынче,
Чтоб я тоже был богат!*

Всю требуемую сумму я получил в тот же день безо всяких проблем, причём в том же отделении, где в первый раз мне отказали.

3. Турбо-Мурбо-Гррр'би-би помог нам ещё раз, когда мы голосовали возле Голицыно (Московская область): после сокращённого призыва (первое и последнее четверостишие) машина остановилась ровно через пять минут и подбросила нас аж до Брянска. Но на третий раз, в Приднестровье, заклинание подвело нас:

машина остановилась аккурат в последнюю секунду из заявленных пяти минут, но водитель потребовал за свою услугу слишком много денег. Поэтому я обратился к другому элементалю, Хозяйке Трассы. Было поздно, рейсовые автобусы уже не ходили, да и вообще трасса Тирасполь-Дубоссары через Григориополь — место, не самое богатое на автомобили, готовые подвезти, так что на автостопе я уже не настаивал: нам бы хватило и машины по приемлемой цене.

*Прошу тебя, Хозяйка Трассы,
Вези нас с Марой из Тираса:
Устали наши руки-ноги,
Мы отдохнуть хотим с дороги.
И пусть вокруг сплошная жопа,
Но нам пора в Григориополь.
Раскинь для нас крыла, как птица,
Чтоб мы успели в восемь тридцать!*

Микроавтобус по устраивающей нас цене появился минут через десять и доставил нас домой точно к указанному сроку.

РАЗГОВОР С ТЕНЬЮ

— Я твой враг! — говорил он мне.
— Я поздравляю тебя с этим, — отвечал я.
— Я пришёл сюда, чтобы погубить мир! — вещал он.
— Надеюсь, все твои мечты сбудутся, — уверял я.
— Я ложь и отец лжи! — заверил меня мой собеседник.
— Воистину так, — согласился я с ним.
— Смерть и разрушение принёс я в мир! — поведал он.
— Спасибо: этим ты обогатил мир, — поблагодарил его я.
— Человечество проклято мною! — признался он.
— Давай насладимся этим вместе с тобою, — предложил я.
Он не воспользовался моим предложением, и наша ненужная беседа продолжилась.
— Пусть возбоятся меня народы земные!
— Пускай, если они хотят этого.
— Служащие мне да окажутся в Геенне Огненной!
— Ты прав: служить не стоит никому.
— Принимающие меня не получают безмятежной жизни в Раю!
— Я рад этому: ведь безмятежная жизнь — это так скучно!
— Я есть абсолютное Зло!
— Я тоже. И — абсолютное Добро.
— Всякий слугитель Добра ненавидит меня! — из последних сил возражает он.
— Я люблю тебя, — улыбаюсь я ему в ответ.
...И тогда Дьявол оставил меня и вернулся туда, откуда пришёл. В моё сердце. —

ТАК РОЖДАЛСЯ НОВЫЙ БОГ.

ИСКАРИОТ

В доме прокажённого Симона был устроен обед в честь эн-назирского проповедника. Марта, сестра воскрешённого Элизара, накрывала на стол, а сам Элизар вместе с Ехошуа и другими гостями восседал на лавке. Мириам Мигдал-Эльская, сестра Марты и Элизара и бывшая проститутка, мыла босые ноги проповедника дорогим народным маслом, отчего весь дом был переполнен благовониями.

— Но это глупо! — воскликнул Юда Кириафский, и все взгляды обратились на него. — Ведь это масло можно было бы продать, а деньги раздать нищим! Ты, Равви, не должен позволять ей это!

«Бедный мальчик, — подумал Ехошуа. — Соринку в глазу сестры своей заметил, а в своём не может углядеть бревна. Как я рад, что Отец уже уготовил ему место в Раю за то, что он поможет свершиться пророчествам!»

Вслух же он сказал:

— Перестань, Юда: что ты её смущаешь? Она сделала мне доброе дело. Нищие будут ещё очень и очень долго, и вы сможете ещё помочь им, когда захотите, но меня скоро не будет с вами. Она сделала, что могла: приготовила моё тело к погребению. Истинно говорю вам: везде, где будут проповедовать учение моё, в память о Мириам всегда будут говорить о том, что она сделала сейчас.

— И ты будешь терпеть этого человека, который не считается с твоим мнением? — услышал вдруг Юда чей-то голос.

Он завертел головой в поисках говорившего, но никто, видимо, даже не слышал того, что сказали Искарриоту.

— Кто ты? — хотел спросить Юда, но раньше, чем его рот открылся и слова успели слететь с языка, тот же голос в его голове произнёс:

До

— Разве ты не видишь, что Есу относится к тебе, как к низшему? Посмотри, как он разговаривает с Кифой или Андреем, и даже с этой шляхой Мириам, и что он им позволяет. А ты словно и не Апостол вовсе, а остолоп!

— Наваждение... — пробормотал Юда. — И ведь не пил ещё, не пил ни капли!..

Сидящий рядом Элизар недоумённо взглянул на Юду, и тот снова спросил мысленно:

— Кто ты?

— Я — один из сильнейших Архангелов, — последовал ответ. — Лишь сам Саваоф выше меня, лишь Михаил сильнее меня — пока что, — лишь Гавриил мудрее меня и лишь Азазель внимательнее и рассудительнее меня.

— Кто же ты? — в третий, магический раз повторил свой вопрос Юда.

— У меня много имён. Эллины зовут меня Аидом, римляне — Плутонем, готы — Урианом, индусы — Шивой... **ВЫ ЖЕ ЗОВЁТЕ МЕНЯ ВЕЛЬЗЕВУЛОМ.**

— Нет, я вор, но не предатель! — почти в панике подумал Искарриот. — Прочь от меня, Сатана!

— Спокойно. Делай вид, что ничего не происходит, — заговорщически промыслил Дьявол, — тебя могут раскусить. Слушай, Юда: по тебе уже давно Ад плачет, но если ты сделаешь то, что я тебе предлагаю, я прощу тебе грехи, и ты будешь награждён.

— Но ты ещё ничего не предлагал мне, Сатана.

— Выдай Ехошуа Синедриону.

— Нет! Я не предатель!

— Выдай Ехошуа Синедриону!

— Но Равви не сделал мне ничего плохого!

— Выдай Ехошуа Синедриону!

— Я обречён на Ад за воровство, но муки мои будут ещё сильнее, если я предам!

— Ты будешь прощён. Тебе будут прощены все твои грехи, если ты выдашь Ехошуа Синедриону.

— Только Бог может прощать грехи!

— Мне дана такая власть. Сам Саваоф велел сказать тебе, что ты будешь прощён, если выдашь Ехошуа Синедриону.

— Не искушай, Сатана! Бог не мог сказать тебе, чтобы ты просил предать Его Сына!

Лицо Юды задрогало, на глаза навернулись слёзы. Элизар, а вместе с ним и некоторые из Апостолов, стали подозрительно поглядывать на него, и Искарriot с трудом переборол себя, чтобы успокоиться.

— Но Он СКАЗАЛ мне это, — продолжил Искуситель. — И всё должно случиться так, как было предсказано, а это возможно только тогда, когда ты выдашь Ехошуа Синедриону.

— Но...

— Выдай Ехошуа Синедриону!

— Я...

— Выдай Ехошуа Синедриону!

— Я не...

— Что делать теперь собираешься? — услышал он вдруг голос и снова завертел головой, но тут же вспомнил: то был голос Люцифера.

— Прочь, Сатана! — закричал Искарriot, не обращая внимания на то, что на него оглядываются. — Я предал Его, и теперь Его ведут на смерть, и всё из-за тебя, Князь Преисподней!

— Я не князь, — обиженно поправил Дьявол, — я ВЛАДЫКА Преисподней... Ну, так как?..

— Я не могу жить под тяжестью этого греха! — воскликнул Юда.

— О!.. — подхватил Искуситель. — Это хорошая идея. — Хотя Юда не мог видеть лица Падшего Ангела, но он явственно

— Выдай, чёрт тебя возьми... о Господи, что я говорю, выдай ты его, ради Бога, Синедриону! Выдай! Выдай Ехошуа! Выдай Ехошуа Синедриону! Синедриону! Ехошуа — Си-не-дри-о-ну! Выдай Ехошуа Синедриону! — войдя в азарт охотника, скандировал Дьявол.

— Ладно, Сатана, — сломился, наконец, Юда. — Только оставь меня в покое!

Искуситель смолк, затем спросил робко:

— Клянёшься, что выполнишь?

— Клянусь, клянусь!

— Нарушишь клятву — мучения твои в Аду усилятся, — напомнил Люцифер. — Выполнишь — спасёшься.

Наконец, Дьявол оставил Юду, и тот в изнеможении опрокинул себе в рот кубок вина.

«Такую операцию провернул, — сокрушённо подумал Сатана, — а все плоды пожинать Светлым. Да будь моя воля, я б его — ко всем чертям!.. — И добавил про себя: — Нет, какую душу упустил! Ведь продался мне, продался, чёрт возьми, — а я его — в Рай!..»

После

представил жестокою, коварною ухмылку на его лице. — Не можешь жить — не живи.

— Нет! Это грех!

— Грехов за тобой и так числится немало, — напомнил Вельзевул. — Так почему бы не совершить ещё один, тем более, если все они будут прощены тебе?

— Будь ты проклят, Сатана! — вскричал Юда, подходя к своему дому. — Ты обманул меня, ведь ты — Ложь и Отец Лжи!

— Ошибаешься, Юда, — жёстко ухмыльнулся Люцифер. — Люди — отцы лжи. Ангелы, даже Падшие — честны. Я доносил до тебя волю Старика Саваофа, теперь выражаю своё личное мнение: убей себя, если совесть заела.

АПОКРИФ

Юда открыл дверь, проскользнул в дом и закрылся на засов, всем телом навалившись на дверь.

— Думаешь, ушёл? — задорно поинтересовался Дьявол. — Нет, от себя не уйдёшь!.. Смотри!

На полу вдруг появились несколько красных искорок, которые побежали к Юде, сплетая за собой верёвку. Вжавшись в дверь, глядел на неё Искарот с открытым от удивления и ужаса ртом и широко распахнутыми глазами. Затем, откуда ни возьмись, появился раскалённый докрасна штырь, согнулся в крюк, взлетел и воткнулся в крепкий осиновый потолок. Верёвка, извиваясь, подлетела к крюку и в мгновение ока закрутилась вокруг него. На ней завязалась петля, под которую сама собою пододвинулась лавка.

— Ну? — полюбопытствовал Люцифер.

— Нет, — заплакал Юда, — нет, я не могу, я не хочу...

— Так ли это страшно? — продолжал искушать Дьявол. — И ведь не узнаешь, пока сам не попробуешь...

— Это Ад, Ад... — продолжал хныкать Искарот.

— Да сдался ты мне в Аду, тёплый климат портить! — фыркнул Сатана. — Говорю же тебе: Саваоф тебя к себе приглашает, а ты и не торопишься. Потом век жалеть будешь!.. Слушай, — перешёл он на шёпот, — ты, если что, если Старик придирается начнёт, ссылайся на меня: мол, я соблазнил.

— Бог всё видит! Он не простит мне этого!..

— Вот именно, видит!.. Но я же **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** искушал тебя! — («И как!.. — подумал он сокрушённо»). — Так что давай, Юдушка, давай!..

— Нет, нет... — Рыдания бывшего Апостола перешли в отдельные всхлипывания. — Ты... ты заставил меня предать Его...

Ты сильнее меня, ты можешь заставить меня убить себя...

— Ну вот, — вздохнул Сатана, — ты понимаешь это. Так что давай, без лишней нервозности.

Юда упал на колени и попытался вздеть лицо к Небесам. Но вместо этого взгляд его уткнулся в потолок. В петлю.

— Боже, прости меня за всё! — взмолился он, но тут словно чья-то сильная рука поставила его на ноги.

— Встань! Что ты унижаешься перед НИМ?! ЕМУ не нужно это!

Искарот сделал шаг к лавке. Ещё один. Ещё. Затем снова упал на колени, встал — уже сам, — и тут губы Юды как бы помимо его воли стали шептать молитву, которой учил Равви:

— **ОТЕЦ НАШ КОТОРЫЙ ЕСТЬ НА НЕБЕСАХ ДА СВЯТИТСЯ ИМЯ ТВОЁ ДА ПРИДЁТ ЦАРСТВО ТВОЁ ДА БУДЕТ ВОЛЯ ТВОЯ КАК НА НЕБЕ ТАК И НА ЗЕМЛЕ...**

— Э, погоди, мы так не договаривались! — запричитал Дьявол. — У меня аллергия на эту молитву!

— **ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ ДАЙ НАМ НА ЭТОТ ДЕНЬ И ПРОСТИ НАМ ДОЛГИ НАШИ КАК И МЫ ПРОЩАЕМ ДОЛЖНИКАМ НАШИМ,** — продолжал Искарот, медленно двигаясь к петле.

— Замолчи, замолчи! — голос Сатаны звучал теперь как бы издали. — Мне неприятно слушать это!

— **НЕ ВВЕДИ НАС ВО ИСКУШЕНИЕ НО ИЗБАВЬ НАС ОТ ЛУКАВОГО ПОТОМУ ЧТО ТВОИ ЕСТЬ ЦАРСТВО И СИЛА И СЛАВА И СЕЙЧАС И ПОТОМ И ВО ВЕКИ ВЕКОВ АМИНЬ!**

— О, чёрт!.. — воскликнул Вельзевул, и его голос затих.

— Я сам, Сатана! — злорадно ухмыльнулся Юда, кладя голову в петлю и отталкивая лавку.

ЧИСТЫМИ ГЛАЗАМИ*

С первого лучика солнца начался для меня отсчёт радостных событий нового дня. Я втянул ноздрями утренний воздух, радуясь крепкому сплетению городских запахов с ещё более приятными ароматами свежей травы. Уши уловили птичьи мелодии и шумы пробуждающегося города, и я погрузилась в них, позволив им слиться в единую симфонию — Симфонию Рождяющегося Дня. Вчера окончательно растворилось в Сегодня, и не было больше смысла вспоминать о нём.

Я потянулся, процарапав когтями землю, и с наслаждением зевнул. Мне предстояло войти в этот день, такой же, как и прочие, — и совершенно уникальный, не похожий ни на один другой. Я выбрался из своего закутка, нацеленный на то, чтобы впитывать радость с каждым вдохом, и первым делом обошёл свой участок, обновив метки. Настала пора для утренней песни, и я посвятил её проносающимся мимо автомобилям, бегая за ними с весёлым лаем.

Нагуляв аппетит, я отправился к месту, которое именовал Площадью Вкусных Находок. Смесь запахов была тут, пожалуй, чересчур сильной, но в каждом из них я находил свою прелесть. К тому же, здесь всегда можно было поживиться чем-нибудь вкусным, что по своей глупости не хотели доедать люди. На сегодня мой улов составили несколько неумело объединённых рыбьих скелетиков, большая кость с мясными опшмётками и несколько кусочков хлеба. Я запил свой завтрак дождевой водой из лужи и предался созерцанию обитателей улицы.

Мимо проходили ноги. Задрал голову, я мог бы, конечно, разглядеть и всё остальное, но для меня это были всего лишь ноги. У меня сложилось впечатление, что все люди состоят исключительно из ног, которые вечно куда-то спешат, а все остальные части человеческого тела служат лишь для того, чтобы поддерживать жизнедеятельность ног

и поторапливать их, если те вздумают задержаться. Впрочем, когда я сказал, что все люди состоят только из ног, я несколько оговорился: правильнее было бы сказать — все люди, кроме детей. У детей были ещё глаза, такие же чистые, как у собак.

Как раз сейчас пара пробегающих детских ножек оказалась рядом со мной: маленькая девочка что-то сказала на своём языке, но я смог разобрать только нежность в её голосе. Последнюю сахарную косточку и последний клочок своей шерсти отдал бы за то, чтобы только понять, что же она сказала!..

Девочка почесала меня за ухом и погладила по спине, и я поднялся, виляя хвостом, чтобы поцеловать её в знак благодарности, но что-то отдёгнуло её от меня, и пара детских ножек засемила за ногами подлиннее.

К середине дня череда ног поредела, и я погрузился в полуденный сон. Мне приснилась улица, полная детей и собак, где никто никуда не спешил и все любили друг друга: улица, где говорили чувствами, и поэтому слова были не нужны.

Проснулся я от скрипа тормозов и сильного запаха собак и страха. Возле меня остановился тёмный фургон, из которого вылез человек. Он подошёл ко мне, и тут я сделал для себя удивительное открытие: оказывается, у взрослых тоже бывают глаза! Но насколько же глаза эти отличались от детских!.. В них я увидел только холодную пустоту: такой взгляд мне приходилось видеть у мёртвой рыбы. И тогда я осознал то, что раньше не мог понять в людях. Нет, глаза не исчезали у них при взрослении: они просто отмирали и продолжали влачить своё мёртвое существование, становясь придатками вечно спешащих ног. Быстрым движением руки в перчатке человек схватил меня за шкуру и швырнул в открывшуюся на мгновение заднюю дверь фургона.

АПОКРИФ

Я был здесь не один: в фургоне уже сидели несколько собак, излучающих запах страха, приторно смешивающийся с запахом псины. Их глаза были грустными и безжизненными, словно они понимали нечто, недоступное мне, и я впервые ощутил свой собственный страх. Это, однако, не лишило меня способности наслаждаться жизнью, и, впитав окружающую меня печаль, я предался удовольствию от поездки на человеческой машине, никогда ранее не испытанному мною. А потом машина остановилась, и, когда приоткрылась дверца, я рванулся к свободе, но та же цепкая рука подхватила меня и поставила на землю.

Пахло луговыми цветами и зарождающимся дождём. Я замер, слившись с запахами и стрекотанием кузнечиков, но тут увидел руку, сжимающую длинный предмет, пахнувший кровью и смертью. В ту же секун-

ду я почувствовал резкую боль в спине и закричал от неожиданности и страха. Новый удар сбил меня с ног, а у меня даже не возникло желания убежать или сопротивляться. «За что?.. За что?..» — думал я, ловя удары, обрушивающиеся на меня.

Первые тёплые капли дождя упали на меня тогда, когда я был уже не в состоянии двигаться и почти не ощущал боли. Стекая с моей шерсти, они становились красными — я впервые увидел цвет, отличный от различной собачьим зрением серости, и нашёл в себе силы насладиться новизной! — а затем сбегали по траве на землю, чтобы подарить жизнь таящимся в почве семенам. Очередной удар по голове оборвал мою последнюю радость жизни, и последней моей мыслью было:

«Отче, прости ему, ибо не ведает, что творит!»

* Этот рассказ написан в 1999 году, а в 2002 году я узнал, что «Смотрящий Чистыми Глазами» (Авалокита) — одно из имён Будды.

НЕ УБИВАЙТЕ ЧУДЕСА!

Как-то раз поздней осенью я сидел в своей складской каморке, перебирая вчерашние накладные. На улице было холодно: окно плотно закупорено, едва-едва приоткрыта дверь.

Вдруг над головой чирикнула птица. Я оторвал взгляд от бумаг и увидел порхающую под потолком синичку. Она ещё раз чирикнула и уселась на жёрдочку оконной решётки, приветливо поглядывая на меня и улыбаясь.

Я улыбнулся ей в ответ и осмотрелся. Форточка (я сперва подумал было, что её распахнул порыв ветра) была по-прежнему закрыта. Сквозь чуть открытую дверь крохотная пичужка вполне могла бы протиснуться, но я находился на третьем этаже, а окна лестницы не открывались. И тем не менее — о чудо! — синица сидела у окна и с любопытством вертела головкой, а я восторженно смотрел на неё, исполненный трепета и блаженства.

Стараясь не потревожить свою неожиданную гостью, я покинул склад и заглянул в офис.

— Светлана Владимировна! — обратился я к сидящему за компьютером бухгалтеру. — У меня закрыто окно, но СКВОЗЬ НЕГО — КО МНЕ — ЗАЛЕТЕЛА — СИНИЦА!

Она не оценила величественность моего сообщения и пропустила мимо ушей восторг, пропитавший мой голос.

— Да? — улыбнулась Светлана Владимировна. — Я видела, когда поднималась: они сидят вдоль всей лестницы. Погреться залетели.

Разочарованный, я вернулся на склад и в дверях лицом к лицу встретился с покидающей мою каморку птахой.

Я попрощался с ней.

Она попрощалась со мной и пообещала вернуться.

Конечно же, она прилетела сюда погреться, и совсем не сквозь закрытое окно, а всего-навсего через открытую входную дверь. Я абсолютно уверен, что всё так и было: не правда ли, это единственно верное и совершенно разумное объяснение?..

Но, чёрт возьми, нельзя же из-за этой глупой разумности — убивать — ЧУДО?!

ДЕСЯТЬ ШАГОВ ЗАБЛУДШЕЙ ОВЦЫ

(Путеводитель)

Пролог. СТАДО

[Пустая страница: в стаде молчат или блеют.]

Шаг первый. ОСОЗНАНИЕ

В стаде тепло, но тесно; скучно, но безопасно. Впереди стада — козёл: то ли ведёт за собой, то ли убегает, чтобы не быть затоптанным. Позади — пастух: то ли подгоняет, то ли пытается не отстать.

Есть траву надоело, но больше — нечего. На лугу противно, в лесу — страшно: говорят, там — волки. Может, просто пугают?..

Идёшь вместе со всеми — так удобнее, — но нет-нет да и пробежишь пару шагов по нетоптаному, на самом краю; нет-нет да и бросишь тоскливо-испуганный взгляд в сторону неведомого леса. Невольно задумываешься: куда ведёт козёл? откуда пришёл пастух? зачем тебя стригут и что такое — шашлык?

Шаг второй. БУНТ

Улучив момент, отстаёшь на шаг. Стаду плевать, но пастух не дремлет: как бы любя, подхватил и подтолкнул к стаду, чтобы не отбилась, не пропала. Опять затерялась, но он тебя не забыл: впредь будет внимательнее.

Отходишь в сторону, идёшь по краю луга: лес пугает неизвестностью, в стаде нечего делать. Шаг влево, шаг вправо: мечешься между этим и тем. Овцы косятся: куда ты — от тепла и безопасности?..

Тебе на овец — плевать!

Шаг третий. ПОПЫТКА

Пока дремал пастух, рванула в лес. Ступила на мох, вдохнула ароматы леса вперемешку с запахом страха, — и сразу назад, пока не проснулся пастух!

Шаг четвёртый. ПОБЕГ

Стадо больше не властно над тобой! Не бывает никаких волков! Пастух тебя не найдёт: ты одна в лесу, Ты Одна Во Всём Мире!

Как прекрасна свобода! Трава здесь чище, чем на лугу; ночью прохладно, но в загоне не видно звёзд; даже в том, что тебе самой приходится прокладывать себе тропки, ты видишь необъяснимую прелесть. Тебе становится жалко тех овечек, что тупо плетутся за глупым козлом, уверенные в том, что хоть пастух точно знает, что к чему.

Ты носишься по лесу, счастливая, и блеянье превращается в песню без слов. Венки лесных цветов сами вплетаются в твою шерсть, и птицы — раньше ты никогда не слышала птиц! — поют только для тебя.

А громкий жалобный вой, который ты слышишь лунными ночами — это, наверное, тоже песня — какой-то, неизвестной тебе, птицы...

Шаг пятый. СТРАХ

Сегодня ты видела в лесу обглоданные овечьи кости. Значит, волки — это всё-таки не сказка... Ты целый день и целую ночь продрожала в кустах, а когда изголодалась и осмелилась высунуться, решила: нет, эта жизнь — не для меня! пора назад, в стадо!

Шаг шестой. БЛУЖДЕНИЯ

Родной луг потерян: ты не помнишь, как вернуться назад. Ты бродишь по лесу, шарахаясь от каждой тени. В твоей шерсти застряли колючки. Иногда ты голодаешь, иногда наедаешься так, что не можешь двигаться.

Твоя шкура уже не такая кудрявая, как раньше; теперь она не белая, а почти серая. Ты уже не скачешь беззаботно по травке, не поёшь весёлые песенки: твои бока исцарапаны буреломами, ноги гудят от усталости. Мир стал чёрным, и лишь луна по-прежнему светла.

Шаг седьмой. КЛЫКИ

У тебя начинают прорезываться клыки.

Шаг восьмой. НЕВОЗВРАЩЕНИЕ

Ты находишь, наконец, стадо, которое покинула! Счастливая, ты бежишь навстречу таким родным, таким милым и таким знакомым овечкам, готовая расцеловать их пыльные щёчки, — но они шарахаются от тебя, как от призрака. Пастух хватается за кнут, и ты, поскуливая, уползаешь в чашу: твою спину пересекает кровавый рубец.

Ночью ты воешь на луну.

Тебе не вернуться назад!

Шаг девятый. ХИЩНИК

Ты — в крови убитых тобою овец. Ты — в свете солнца и блеске луны. Ты — в прицелах охотников, ждущих тебя за рекой. Ты наслаждаешься болью в ободранной спине и уставших ногах. Ты знаешь цену каждого шага: ешь, когда голодна, спишь, устав от погонь, и песни слагаешь звёздам.

Шаг десятый. ЕДИНЕНИЕ

Ты растворяешься в травах. Вливаешься в стадо травой. Становишься волком, охотником, ветром. Землёй и водой. Становишься пламенем. Где ты? — Ты — Здесь; Ты — Везде; Ты — Нигде. Имя Тебе — Пустота: Пустота не имеет имён. Есть что сказать, но для этого не придумано слов. Вместе со всеми и против всех — это не для тебя. Ты — Вне и Над.

Наконец-то ты стала — СОБОЙ!

Эпилог. ПУСТОТА

[Пустая страница: Молчанье — Удел Пустоты...]

ОБРЕТЕНИЕ РАЯ

Здесь не было Пространства. Не было и Времени. Была лишь Бездна, вечная Бездна, и одинокий Дух носился над нею, и он сам был этой Бездной. Он не помнил, кто он, откуда и когда появился на свет, а точнее — на эту непроглядную Серость, и казалось ему, что он всегда был здесь. Лишь какие-то яркие, непохожие на существующую серую действительность и такие далёкие образы изредка тревожили его всеобъемлющее сознание, но он не в силах был связать их в единую картину.

Измученный бесплодными попытками что-либо вспомнить, Дух решил предпринять хоть что-то. И едва он подумал об этом, едва первая в этом, ещё не родившемся, мире мысль пробежала по сущности Духа, как лёгкий и сверхъестественно мягкий свет прорвал Бездну Вечности и заструился сквозь зарождающуюся Материю. Образы ещё сильнее нахлынули на Духа, застучались в его забытую Память, и, вдохновлённый ими, он произнёс на всю молодую Вселенную первые слова на доселе неслыханном, нежном и певучем языке:

— Звёзды... Мир... Планеты... Вселенная...

И тотчас Космос озарился бриллиантовым блеском миллиардов светил. Часть сущности Духа отделилась и приблизилась к одной маленькой планете у далёкой, затерянной в глубине Вселенной звезды, и всю свою энергию направила на этот ничем не примечательный кусочек Материи в океане вечного Ничто. О других планетах он — тот, что был ЗДЕСЬ, — даже забыл на время, будучи поглощён своими далёкими воспоминаниями. Беспорывно рождались но-

Он приподнялся и оглядел своё новое тело. Оно нравилось ему, как нравился и чёрный блестящий облегающий костюм с белыми напульсниками и воротничком и всё

вые слова, и тотчас возникали соответствующие им понятия:

— Моря... Реки... Горы... Озёра... Леса... Рыбы... Травы...

Планета сделала три круга вокруг светила, пока не приобрела должный вид. Но чего-то не хватало, и Дух видел это. Он замер, углубившись в воспоминания. И вдруг образ какого-то существа, могучего и прекрасного, предстал перед ним.

— Ева, — произнёс он почему-то. — «Ариэль», — подсказала ему Память.

Прекрасная — невообразимо прекрасная для любого из Миров — девушка появилась вдруг на тёплой поляне где-то в субтропическом поясе планеты. Она лежала на желтовато-зелёной траве, и казалось, что она спала; но спала она, не дыша, и не было слышно биения её сердца. Она не была мертва: она просто НЕ БЫЛА ЕЩЁ ЖИВА. Её тело покрывали блестящие доспехи. На золотой цепочке, на шее девушки, находилась чёрная восьмиконечная металлическая звезда с изображением пятиконечной звезды в круте и скрещённых мечей в центре. Символ повторялся и на острокопечном золотом шлеме, украшенном огромным бриллиантом и лежавшем рядом с девушкой. Чёрные длинные волосы её разметались по траве.

С каким-то непонятным ему самому чувством смотрел Дух на девушку, которая продолжала лежать без движения под тенью южных деревьев.

— Адам, — произнёс он, наконец. — «Ариман», — мелькнуло в его сознании, и он

ВСПОМНИЛА...

*

тем же загадочным знаком — Звездой Аримана — на белом же поясе. Затем тот, кто раньше был бесплотным Духом, перевёл взгляд на девушку. Лишь одной детали не

АПОКРИФ

хватало в её костюме, и Ариман был рад, что не сотворил её; Меч был этой недостающей деталью.

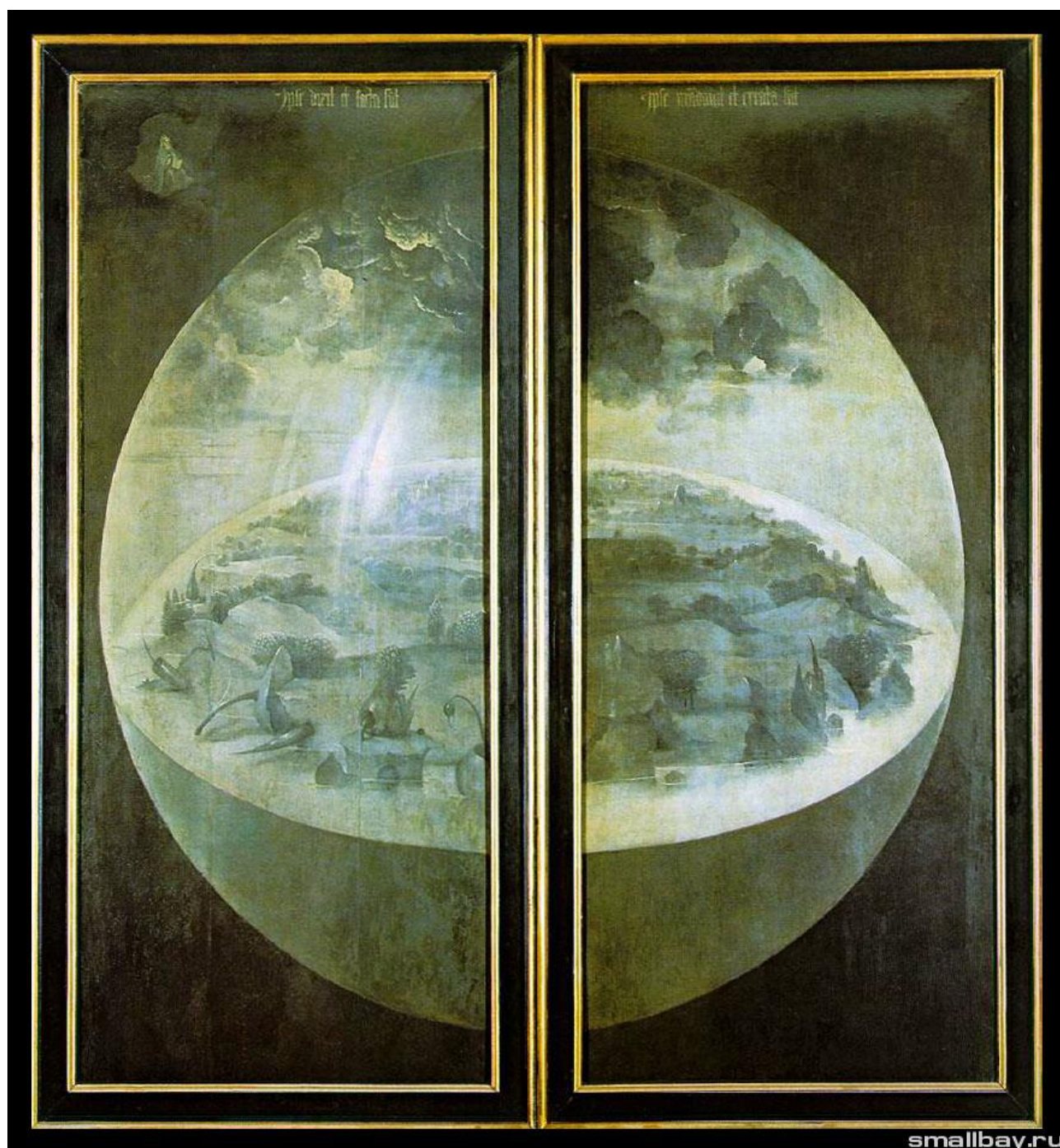
«Что же, — подумал новый Создатель, — пусть остальной мир завершает моя вторая сущность — мой Дух. А я...»

Он наклонился над Ариэлью и коснулся губами её лба.

— Встань, Ариэль! — произнёс он, и девушка поднялась.

Они обменялись всего одним счастливым взглядом, всего одной улыбкой, и пошли, взявшись за руки, на Восход, навстречу Солнцу и Миру: в глубину леса, в глубину планеты, в глубину Вселенной —

НАВСЕГДА.

smallbay.ru

ТЫ УМЕЕШЬ ЛЕТАТЬ!

Ты умеешь летать! Чёрные перепончатые, пёстрые чешуйчатые и сизые, покрытые перьями, — это всё твоё! Распахни их, почувствуй напряжение ветра на их кончиках, вдохни полной грудью нависшие над тобой Небеса — и вперёд! С места, с утёса, с разбега. На восходящих — вверх, на нисходящих — вниз. Тебе не нужна тренировка: ты РОЖДЕН для полёта! Только скажи себе: я — ЛЕЧУ!

Ты умеешь летать! Синяя бездна над твоей головой — это НЕБО, а белые ленивые увальни, избегающие крутых виражей — ОБЛАКА. А вот и твои собратья, такие же крылатые. Они, как и ты, рождены на земле, а ведь смотри-ка — летят! Кто быстрее, кто медленнее, кто выше, кто ниже, но они — в Небе! А теперь взгляни вниз, туда, где струится, не зная преград, твоя невесомая тень. Видишь? — там кипит суета, там копошатся те, кто ещё не познал тайны Полёта. Эй! — крикни им свысока. — Давайте все сюда! Вы ведь тоже — МОЖЕТЕ!.. В Небо

летят камни и плевки, но ты легко поднимаешься выше. Попасть в тебя с земли им не дано, а когда они поднимутся, чтобы достать тебя в Небесах, то оглядят синекрылое пространство, и удивятся, и восхитятся, и улыбнутся, и забудут о тебе, поняв, что они — ЛЕТАЮТ, и что летают — ОНИ.

Ты умеешь летать! Тебе говорили, что отсюда можно упасть, что это — расплата за гордость, оторвавшую тебя от земли. Но это и есть доказательство того, что ты — В НЕБЕ! И счастье Паденья — в осознании способности ЛЕТАТЬ! Даже облако, ленивое облако, может упасть дождём в знак причастности к Небу. Даже птица, упавшая с Неба, способна поднять Крылатых. Тот, кто упал, уже сделал свой шаг на пути к Вечным Крыльям Вечных Небес. Тысячи лет на земле не стоят мгновенья Полёта, даже если имя Полёту — Паденье!

Ты Умеешь Летать!

Лети, Крылатый!..

ГИМН ОГНЮ

Ты — Отгаз, Огонь вечный-неугасимый, Бог умирающий и воскресающий, Третий Элоир, Сумерками рождённый, Свет породивший, ласковый и жестокий, греющий и сжигающий, губящий и рождающий, освещающий путь и слепящий глаза! Призван из Бездны, руками Архонта из плоти Мира слеплен. Оглянись! царство Твоё безгранично, сила Твоя велика, облики Твои несчислимы, имена бесконечны. В Тебе рождаются и гибнут вселенные, Тобою дышат звёзды и недра земные. Ты дремлешь в осколке кремня и в крупнице серы, блещешь молниями, бушуешь потоками лавы.

Тебе, единственному из Богов, небезразличны жертвы: не жрецы и священники, но Сам Ты пожираешь приношения, и готов взять то, что Тебе не подносилось. Ты же, единственный, благоволишь к приносящим Тебе дары и равнодушен к мольбам забывающих о Тебе. Вот жертвенник мой Тебе из плоти Твоей: поднесу Тебе дар от духов живых, и Ты приготовишь мне пищу для желудка моего.

Лучшее даю Тебе: к колыбели Твоей поднесу сухое от дерева — щепку ли, кору ли, бумагу ли; для жара возложу поленьев, хвою да сено дам для пламени, траву же свежую да шишки приберегу для дыма. Не пожалей для Тебя, расцветшего, жертву от бегающих, ползающих, плавающих и летающих, ни пищи со своего стола, ни прядь волос, ни иного чистого, что Тебе по вкусу. Камень же, стекло ли, металл ли, — сии же — не в дар Тебе, но для своей пользы, если понадобится, оставлю в жертвеннике: да не осквернится ими Дух Твой, ибо они — от Духа Земли! То же, что не от Духа Земли и не от духов живых — головой человеческой измышленные и руками людскими сделанные сущности, лукавые и нечистые, — не дам Тебе, дабы не осквернить Тебя и не навредить тому, что вокруг, — разве только когда Ты в силе и ярости, что сделаешь чи-

стым и то, что нечисто; да и тогда не сделаю этого, не посоветовавшись с Тобою. Вещества же горючие — жидкие ли, сухие — лишь для того, чтобы помочь Твоему рождению, смею поднести, да ещё для услады глаз, — но не обращусь к Тебе с просьбою о пище для тела и помощи для Духа, пока не выветрится дым их: ни к телу Твоему, ни к Духу Твоему не обращусь дотолё.

Пред Тобой, единственным из Богов, не стыжусь преклонить колени: дыхание моё неслышно, когда сливается с Твоим, и Ты отвечаешь жаром и треском, да голосом трубным. Непокрытой рукою коснусь поленьев и веток на Твоём ложе: рука без перчатки чиста, как моё сердце, и Ты не тронешь меня, видя мою открытость. Тело моё и жертвы Тебе — вот то, чем возвожу жертвенник Тебе: прутом железным не ворошу поленья в своей любви к Тебе, ибо любовь немислима без уважения, а уважение — без доверия; так и Ты не тронешь меня, видя любовь, цenia доверие и зная, что нет во мне страха и сердце моё чисто.

Ты — Хранитель Жизни: Ты ведаешь, что обряды — ничто, если жизнь проходит мимо. Потому не оскорбишься, когда я согреюсь Тобою зимой, приготовлю пищу, убью врага, отпугну зверя, сожгу ветошь, позову подмогу, обрадую глаз, укажу путь, закалю сталь, растоплю снег, освещу ночь, освящу нож, призову силу, обожгу глину.

Что согреет кострище, когда нет Тебя? Ты и жертвенник едины, как едины Дух с телом и я с миром. Мой Дух в Тебе, и Твой Дух — во мне: я погибну без Тебя, дающего тепло и пищу, Ты погибнешь без меня, заботящегося о Тебе. Как я помогаю Тебе в теле, подкладывая дрова, так и Ты поможешь мне в теле и для тела; как я помогаю Тебе в Духе, проповедуя Тебя, так и Ты можешь мне в Духе и для Духа.

Приятны для дыхания Твоего сера и перья, багульник и чабрец, мята и полынь,

хвоя и волосы; пусть будут они приятны и для меня, когда я дарю их Тебе. Над пламенем закаляю руки, чтобы сила Твоя заструилась по жилам моим. Рунный посох и жертвенный нож, или иное что, данное мне Идамом моим как Предмет Силы и не боящееся дыхания Твоего, пройдут через Тебя, и через Воздух, и через Воду, и через Землю, и лишь тогда сольётся Дух их с Духом моим. Амулет волосяной и кошель меховой, или иное что, данное мне Идамом моим как Предмет Силы, но боящееся дыхания Твоего, пройдут через дым Твой, и через Воздух, и через Воду — или орошены Водой будут, — и через Землю — или встретятся с Землёю, — и лишь тогда сольётся Дух их с моим Духом. А для большей силы капля крови моей оросит их, и плоть от плоти моей Тебе в дар отдам: кровь ли, волос ли.

А если для кого другого прошу у Тебя, плоть от плоти их заменят или дополнят плоть от плоти моей. А если нет плоти от плоти того, для кого, или за кого, или о ком прошу у Тебя, то сойдёт вещь его или изображение его; но да будут чисты мои помыслы, когда прошу о других! Для помощи Твоей в делах мирских преломлю Тебе пицци со своего стола, как равному, чтобы Дух Твой хранил меня и помогал мне. Отходами же и нечистотами не оскверню Тебя, разве только будет к этому особая нужда. А ежели понадобится мне, чтобы Ты на Путь наставил, или в беде помог, или верный совет дал, — в Неделю Равноденствия или в Неделю Солнцестояния подарю Тебе волосы со своей головы и смешаю их дыхание с дыханием трав благовонных, обращаясь к Тебе в сердце своём: чистоту моего сердца увидишь и поможешь мне в Духе своём, если и мой Дух не будет безмолвствовать. И если что иное понадобится мне, знаю, что в языках Пламени увижу ответ.

Не обращаюсь к Тебе, Огонь предначальный-вечный, пронизывающий Вселенную, ибо высоки Твои мысли: что им до мира проявленного? Не обращаюсь к Тебе, живущему в звёздах: далёк Ты, и Земля

прейдёт уж, пока зов мой достигнет Тебя. Не обращаюсь к Тебе, Сварог солнечный: своим путём следуешь Ты в пространстве, и не отвлечёшься от него ради меня. Не обращаюсь к Тебе, молниеподобный, ибо стремительна жизнь Твоя: миг — и нет Тебя. Не обращаюсь к Тебе, прячущемуся в недрах, таящемуся в жерле вулкана, ибо выходишь Ты в великом гневе, не внимая ни любящим Тебя, ни проклинающим Тебя. Не обращаюсь к Тебе, обитающему в печи: Тебя творят, чтобы согреться и насытиться, и убивают, когда сыты и согреты; Ты ли, разожжённый для плоти, поможешь мне в Духе?! Не обращаюсь к Тебе, едва тлеющему, искроподобному, ибо что Ты можешь, пока мал и слаб? Не обращаюсь к Тебе, полыхающему пожаром, ибо не до просьб Тебе, неистовому, и мне, спасающему свою жизнь; да и если бы Ты захотел, уже не в силах был бы остановиться, ибо ветер гонит Тебя, а пицца Твоя сама находит Тебя. Не обращаюсь к Тебе, рождающемуся из газа: Ты призрачен, как и колыбель Твоя, служащая Тебе пиццей, ибо вот газ погаснет, — и не останется даже углей от Тебя. Не обращаюсь к Тебе, гремящему взрывами, к Тебе, пляшущему на свече, к Тебе, живущему в торфянике, — но лишь к Тебе, что вырос на кострище, к Тебе, получающему мои дары и дарящему мне приятное тепло; лишь о Тебе забочусь я, и лишь к Тебе обращаю свои просьбы.

Ты рождаешься для того, чтобы жить, живёшь для того, чтобы умереть, и умираешь для того, чтобы возродиться; подобно тому и я. Как Ты позаботишься о моём теле, когда Дух мой покинет его, возлагая последнюю жертву на Твой жертвенник, так и я позабочусь о Твоём успокоении в смерти. Терпеливо дождусь Твоего последнего вздоха, или омою Водой, или схороню Землёй; ничем нечистым не оскверню Твой прах, углей не разбросаю, камни, стекла, металл или другое что от Духа Земли уберу с Твоего ложа вместе с костями и деревом несгоревшим; но лишь дерево сложу возле одра Твоего, остальное удалю. И место Твоё да

АПОКРИФ

будет после Тебя таким же, каким было до Тебя: если было кострище, пусть и останется таковым; если был песок, то пепел с песком смешаю и песком засыплю; а если была дерновина, снятая мною для освобождения земли, то дерновиною кострище и прикрою, дабы след Твой и след мой были незаметны.

Не возродишься из пепла сгоревшего, но кремень, стекло или сера возродят Тебя. Так и мой прах развеется, и вот нет его, но Дух вернётся, если возникнет нужда: в иной

плоти ли, без плоти ли. Ибо как Твой Дух вечен, так и мой.

Пою Тебя, Оттаэ, Огонь вечный-неугасимый, Бог умирающий и воскресающий. Пою Тебя, Ариман-Сет-Агни, Сварог и Сварожич, Бог безымянный и безликий, с мириадами имён и обликов! Пою Тебя, о ком сказано: «Он был Владыкой Огня, пока Огонь не поглотил Его; потом Он стал Огнём», — ибо я и Ты едины, и Имя Твоё — моё Имя, и Дух Твой — мой Дух, и облик Твой — мой облик, и Мир Твой — мой мир, от Начала и до Конца Времён.

н̄: і̄ ь̄:н̄ ь̄:н̄ ь̄:ь̄,